

УДК 811.222.1=512.162'246.2–116

ПЕРСИДСКО–АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА MORFOЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Кшановский О. Ч.

В статье исследуется современное состояние персидско-азербайджанских языковых контактов. Приводится ряд разноуровневых лингвистических признаков, появившихся в персидском языке в результате долговременного проксимального контактирования носителей персидского и азербайджанского языков.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, языковые контакты, персидский язык.

Введение. Как известно, любому языку, функционирующему либо за пределами государства, либо на обширной территории в его пределах, свойственна территориальная вариативность. Она возникает под воздействием сложного комплекса причин, важнейшей из которых является прямое контактирование между двумя (или больше) языковыми коллективами, пребывающими в конкретной социально-языковой ситуации и живущих в условиях определенной культурно-исторической и географической среды [1, с. 246]. Под прямыми (непосредственными) языковыми контактами мы понимаем такие, при которых население, говорящее на разных языках, соприкасается и смешивается и образуется прослойка людей, владеющих в той или иной степени обоими языками [2, с. 43]. Непосредственные контакты связаны с двуязычием (многоязычием) населения, длительно проживающего на сопредельной (общей) территории, в результате которого в контактирующих языках развиваются общие структурные признаки на всех уровнях [3, с. 197 – 198]. В связи с вышесказанным следует определиться с некоторыми понятиями.

Проблема языкового союза была впервые поставлена и научно обоснована датским ученым Кр. Сандфельдом в его изданной в 1926 году и ставшей классической работе “Балканская лингвистика” (которая приобрела широкую известность в научных кругах после французского перевода в 1930 году) (см. об этом: [Там же, с. 194]). Попытки же объяснения конвергентного развития языков родственных и неродственных групп и семей предпринимались и раньше. Уже в 1902 году И. А. Бодуэн де Куртене в работе “Сравнительная грамматика славянских языков” высказал ряд замечаний по поводу возможности сравнительного обозрения “двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные явления” (приводится по: [Там же]).

В связи с этим необходимо ответить на вопрос: Что является объектами контактирования: языки или их диалекты? Или: Обязательно ли для постулирования языкового союза наличие конвергентных черт в национальных языках (или достаточно в диалектах)? И что вообще следует считать продуктом языкового союза? Отвечая на последний вопрос, многие специалисты приходят к выводу, что пока это как буд-

то может быть решено только в конвенциональном плане (что, впрочем, соответствует конвенциональности самого понятия “языкового союза”) [4, с. 201]. Если внимательно взглядеться во все постулируемые языковые союзы, то станет очевидным тот факт, что их членами являются исключительно относительно немногочисленные этносы на довольно небольшой территории. Так, например, балканский языковой союз составляет менее половины территории современного Ирана и его населения. Процесс же говорения-слушания в лингвистически гетерогенной среде языков, по мнению специалистов (см., например: [5, с. 126]), очевидно, уменьшает фактическое его единство в разной степени на всех уровнях. В таком виде теория языковых союзов не применима к языкам типа персидского. Поэтому некоторые исследователи предпочитают говорить не о языковых союзах, а об ареалах конвергенции (convergence area, термин У. Вайнраха) или о лингвистических ареалах (linguistic area, термин М. В. Етенеау). Именно в рамках такого подхода (а ареалы конвергенции охватывают, наверное, все языки мира) можно поставить более актуальную цель лингвистического исследования, а именно, по словам А. Мартине, исследовать то, как провинциальные формы литературных языков окрашиваются в уста местных жителей [6, с. 83]. Иными словами, главный фокус направить на изучение диалектной речи и диалектного языка [7, с. 11; 8] носителей всех лектов, входящих в изучаемый ареал. Именно в этом смысле теории языковых контактов противостоит тот аспект ареальной лингвистики, предметом которого являются результаты интеграции языковых признаков в условиях междиалектных контактов генетически родственных и неродственных языков в условиях территориальной смежности, а целью – изучение зон пограничных контактов языков и диалектных ареалов внутри территории распространения одного языка (см. об этом подробно: [9]).

Чрезвычайно интересной с точки зрения лингвистической ситуации является территория, так называемого, культурного Азербайджана (историческая Атропатена, или Атропатакан), включающего территорию современного государства Азербайджанская республика, а также иранские провинции Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, частично Курдистан и Ардабиль. Азербайджанский язык вклинивается в иранскую территорию, а, в свою очередь, на территории Азербайджанской республики островные ареалы иранских языков (диалектов) представлены татским и талышским языками. Известный тюрколог Н. З. Гаджиева отмечает тот факт, что в тюркских языках, расположенных на смежных территориях, наблюдаются явления так называемой языковой аттракции. Черты, присущие одному языку обнаруживаются в какой-то мере в языках прилегающих территорий и наоборот. Специфические особенности соседнего языка обнаруживаются в структуре диалектов данного языка. Население смежных областей может практически владеть соседними языками. В условиях такого двуязычия, если оно особо не сдерживается нормами литературного языка, может осуществляться своеобразная языковая интерференция, в результате чего смешанные диалекты взаимно приобретают некоторые языковые черты [10, с. 28]. Сказанное справедливо и для рассматриваемого нами ареала. Языковая интерференция обычно наблюдается во всех сферах языка, – в области лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса, т. е. практически заимствуется и проникает любой элемент системы языка [Там же, с. 29; см. также: 11, с. 206 – 210; 12].

В связи с этим следует отметить, что термины интерференция и заимствование не тождественны. Из обширного перечня различий между указанными понятиями (см. подробно: [13, с. 93 – 94]), на наш взгляд, главным является то, что заимствование не оказывает существенного, системного влияния на структуру языка, на вносит в нее заметных новых черт (ср. большое число арабизмов в современном персидском языке). Интерференция же при особо благоприятных условиях может привести к существенным изменениям в строении языковой системы, в её внутренних связях и организации. Поэтому интерференция возможна лишь при длительных непосредственных контактах носителей. Заимствования же могут иметь место даже при отсутствии непосредственной связи носителей языков. Именно в результате длительного проксимального контактирования носителей престижных национальных языков может возникнуть наиболее интересный случай проявления интерференции, так называемая “скрытая интерференция”, при которой в речи носителей происходит “изменение в значении или функционировании уже существующих в языковой системе форм под влиянием другой системы” [Там же, с. 97]. Повышение общего образовательного уровня местного населения существенно сказалось на судьбе современных территориальных диалектов, обеспечив базу для широкого усвоения норм литературной речи. При этом важно не только то, что носители диалектов через школу и всю систему культурных мероприятий получают возможность с детства усваивать нормы литературного языка, что всё население страны постоянно сталкивается с литературной речью как в письменной, так и в устной форме, но и то, что сейчас можно говорить о сознательной ориентации носителей диалекта на овладение нормами литературной речи, о сознательном принятии литературных норм и в ряде случаев стремлении к их использованию [14, с. 86]. Однако такой переход сложен и труден для языковых коллективов, требует для осуществления значительного времени и протекает в разных условиях и для разных групп носителей диалекта весьма неоднороден. Процесс использования литературного языка, носители диалекта которого находятся в контакте с носителями диалекта (диалектов) другого (других) языка (языков) характеризуется, как правило, скрытой интерференцией, при которой формы родного языка имеют функции и значение другого. Если при явной интерференции в речи носителей употребляются формы другого языка, то при скрытой интерференции с формальной точки зрения речь правильна. Эти явления диалектной речи могут распространяться на весь диалектный язык (о понятии диалектного языка см.: [8]), формируя так называемую ареальную норму употребления языковых единиц (о понятии ареальной нормы см.: [15]), которая характеризуется регулярностью употребления и общественным одобрением носителей языка в данном ареале. В отличие от литературной нормы ареальная, или, в другой терминологии, диалектная норма (см.: [16, с. 65]) не кодифицируется и вследствие этого слабее осознается. Но диалект, как и любой функционирующий язык, обладает своими нормами, собственной системой, принятой говорящими на нем людьми как образцовой и правильной по отношению к другим диалектам данного языка [Там же]. Норма эта стихийно сложившаяся, естественная по своей природе (а не сознательно выработанная, как в литературном стандарте), когда изменения происходят спонтанно, без целенаправленного вмешательства человека, является результатом

саморазвития [Там же, с. 207]. Диалект является основной формой повседневного общения [Там же, с. 78].

Всем выше изложенным мы пытались показать, что все типы языковых контактов имеют историческую подоснову, а использование определенной инновации, вызванной иноязычным влиянием, в речи отдельного носителя языка или ограниченного числа носителей в специфических условиях общения (ситуация, стиль, контекст и пр.) указывают на его частный, интерференционный характер. Распространение же в речевой практике всего сообщества или его значительной части – на конвергентность данного изменения. Однако только социолингвистической интерпретации для окончательного решения здесь не достаточно. Действительно конвергентным можно признать изменение, необратимо закрепленное в языке благодаря появлению вторичных (!), рефлекторных (!) преобразований, то есть изменение ставшее облигаторным и в социальном, и в структурном плане [17, с. 153]. В этой связи, представляется необходимым определить центральное для типологии понятие “языковой тип”, или “тип языка”, или “типология языка”.

Разработка этого понятия осуществляется в рамках двух сосуществующих подходов: холистического (собственно типологического), который оперирует понятием типа языка, как системы сопряженных разноуровневых элементов, связанных имплицативными отношениями, и работающих на сохранение конфигурации строя данного языка (например, агглютинативного морфологического типа, номинативного синтаксического строя и т. д.) и парциального (характерологического), который оперирует понятием класса языков, т. е., согласно В. Матезиусу, профилирующими и базовыми чертами данной языковой системы (приводится по: [18, с. 18]).

Во-первых, оба метода, и характерология, и типология, представляют разные этапы изучения языка, сосуществуют и могут применяться в одном исследовании [19, с. 13]. Целью характерологии является как можно более полное выявление и описание особенностей языка. Целью типологии является систематизация выявленных особенностей на принципах иерархических и парадигматических отношений [Там же, с. 13, 21]. Фокус характерологии направлен на то, как создается отдельность, целостность языкового типа, и как проявляется типовое единообразие в индивидуальном многообразии языков, входящих в один класс. Именно обобщение характерологических черт привело к открытию принципа причинности (каузальности) и выработке понятия “языковой тип”, как самонастраивающейся системы во круг детерминирующей тенденции [18, с. 19, 20].

Во-вторых, как характерология, так и типология исследуют однотипные по своему характеру процессы, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира – языковые универсалии, или фреквенталии. Это связано с неоднократно отмечавшейся выше главной задачей сопоставительного изучения языков – выяснению в конечном итоге наиболее общих, универсальных свойств языка. Однако, как отмечают исследователи, универсалистские типологические концепции (морфологическая классификация языков, имплицативные универсалии и пр.) обладают существенными недостатками: 1) с их помощью языки мира разделяются на очень небольшое количество типов. И, следовательно, характеристика каждого языка оказывается малоинформативной [20, с. 49]. Это обстоятельство и

привело к интенсивному развитию характерологического направления, которое, описывая любые так называемые “типологически существенные” (термин В. Д. Аракина, см.: [21, с. 8]), или “типологически релевантные” характеристики (термин В. М. Солнцева, см.: [22, с. 4]), или “малые системы” (термин В. Н. Ярцевой, см.: [23, с. 13 – 14]) характеристик ограниченного (обычно двумя) задачами исследования состава языков, стремятся выявить более “мелкие” типологические сходства и различия, могущие (что не очевидно) стать либо элементами уже разработанного языкового типа, либо нового.

Исходя из представления языка, как системы, отдельные части которой коррелируют между собой, то следует искать и единые межуровневые параметры, которые определяют тот или иной языковой тип. Поэтому при решении вопроса о языковом типе нельзя обойти вниманием проблему взаимосвязи и взаимозависимости различных уровней языка [24, с. 6]. Однако, несмотря на то, что идея о необходимости разработки цельносистемной типологии, типологии, основанной на учете перекрестных показателей различных уровней языковой структуры, высказывалась ещё В. Гумбольдтом, а в дальнейшем так или иначе формулировалась представителями самых различных направлений языкознания, безуспешность целого ряда конкретных опытов её построения на длительный период обусловила популярность мысли о возможности создания лишь так называемой “типологии подсистем” [25, с. 124].

Главными признаками типа являются, во-первых, необходимость отражения им явлений системных, категориальных, имеющих принципиальное значение для системы данного языка [24, с. 9]; во-вторых, невозможность существования “смешанных” типов, ибо он складывается из совокупности языковых примет, удельный вес которых (одной и той же универсалии) для разных языков может быть различен [Там же, с. 10]; в-третьих, обязательная “одномерная” бинарность каждой черты, набор которых определяет тип [Там же, с. 12].

Если “языковой тип” отражает в языке фундаментальные категориальные свойства любого языка, предопределяющие его функционирование, то есть манеру отображения явлений непосредственно окружающей носителей данного языка действительности, то совершенно логично сделать предположение, что в условиях длительного проксимального контактирования носителей языков конвергенции будут подвержены в первую очередь важнейшие составляющие языка. Такой основополагающей категорией языка является его тип. Победа же в результате, перефразируя И. А. Бодуэна де Куртенэ (см.: [26, с. 367]), должна остаться за единицей, языком, в конце концов, типом легче усваиваемым и требующим меньшей затраты энергии, как физиологической, так и психической.

Несмотря на существенные расхождения взглядов ученых на предысторию взаимоотношений и контактирования азербайджанского и персидского языков, все они сходятся в том, что азербайджаноязычное и персоязычное население в течение длительного времени (согласно некоторым версиям – 25 веков) находится в беспрерывном проксимальном контактировании. Результатом взаимовлияния классического агглютинативного и аналитического “староазербайджанского” и классического фузионного и синтетического древнеперсидского языков, на наш взгляд, стало постепенное изменение морфологического строя последнего.

Проведенный нами анализ материала современного персидского языка на предмет обнаружения в нем черт определенного морфологического типа выявил более двадцати разноуровневых признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем в составе словоформ, большинство которых не наблюдалось в древнеперсидском, т. е. к началу активных взаимоотношений с носителями “староазербайджанского” языка. Это позволяет определить современный персидский язык как язык агглютинативного морфологического типа (зачислить современный персидский язык в класс так называемых новоагглютинативных языков).

Выводы. Среди фонетических признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: минимальное количество случаев сочетания неслогообразующих согласных фонем (так называемых кластеров) в начале и конце слова (такое сочетание наблюдается лишь в небольшом количестве недавно заимствованных слов), малое количество дифтонгов (существующие в современном персидском языке два дифтонга при словообразовании и словоизменении легко разлагаются, что говорит об их рудиментарности), наличие регрессивного сингармонизма, фиксированное ударение на последнем слоге. Среди лексических признаков, сопряженных агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: наличие большого количества отглагольных имен и причастий, а также наличие особого класса сложных слов, части которых могут употребляться отдельно друг от друга, – сложных глаголов. Среди словообразовательных признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: наличие самостоятельной основы-корня, простое структурное выделение аффикса и основы-корня, восхождение подавляющего количества аффиксов от полнозначных слов, однозначность аффиксов, исключительная продуктивность способа словосложения. Среди морфологических признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: отсутствие деления слов на подклассы по типу основ (так называемых, склонений и спряжений), наличие послелогога га, минимальное количество префиксов и большое количество суффиксов, изолированность и самостоятельность аффиксов (возможность их дистантного употребления, а также так называемого группового оформления), наличие морфологического способа редупликации, факультативность (необязательность) некоторых морфологических показателей, например, суффикса множественного числа. Среди синтаксических признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: наличие твердого порядка слов в словосочетаниях “определение-определяемое” (постпозиция определения), конечная позиция глагола в предложении, существование синтаксических приемов инкорпорации, полисинтетизма и изоляции, отсутствие синтаксической связи согласования.

Список литературы

1. Чередниченко, А. И. Иноязычное влияние как фактор территориальной вариативности языка [Текст] / А. И. Чередниченко // Варианты полинациональных языков. – К. : Наукова думка, 1981. – С. 246–260.
2. Степанов, Ю. С. Современные языковые союзы и методы их изучения [Текст] / Ю. С. Степанов // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев : Изд-во “Штиинца”, 1976. – С. 38–51.

3. Нерознак, В. П. Языковые союзы. Предпосылки создания общей теории [Текст] / В. П. Нерознак // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1985. – С. 194–200.
4. Судник, Т. М. К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балтославянский и балканский языковой союзы) [Текст] / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Доклады советской делегации. – М. : Наука, 1983. – С. 199–213.
5. Степанов, Г. В. Об особенностях языковой вариативности [Текст] / Г. В. Степанов // Теория языка. Англистика. Кельтология / Отв. ред. М. П. Алексеев. – М. : Наука, 1976. – С. 125–133.
6. Мартине, А. Распространение языка и структурная лингвистика [Текст] / А. Мартине // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. VI. – С. 81–93.
7. Дудик, П. С. Поняття “розмовне мовлення” і “діалектне мовлення” [Текст] / П. С. Дудик // Питання взаємодії української літературної мови і територіальних діалектів (Тези доповідей та повідомлень). – К. : Наукова думка, 1972. – С. 10–12.
8. Феоктистова, А. С. О соотношении синхронии и диахронии в диалектном языке [Текст] / А. С. Феоктистова // Сопоставительная и описательная лингвистика. Сборник научных трудов. – М. : Изд-во УДН, 1987. – С. 91–97.
9. Десницкая, А. В. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики [Текст] / А. В. Десницкая // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Изд-во “Наука”, 1977. – С. 22–29.
10. Гаджиева, Н. З. Явление языковой интерференции в пограничных зонах тюркских языков Средней Азии [Текст] / Н. З. Гаджиева // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы конф. – Л. : Изд-во “Наука”, 1975. – С. 28–29.
11. Simpson, J. M. Y. Areal Linguistics [Текст] / J. M. Y. Simpson // The Encyclopedia of Language and Linguistics / R. E. Asher, ed.-in-chief. 10 v. – Oxford – N. Y. – Seoul – Tokyo : Pergamon Press, 1994. – V. 1. – PP. 206–212.
12. Dixon, R. M. W. The rise and fall of languages [Текст] / R. M. W. Dixon. – Cambridge University Press, 1997. – 167 p.
13. Баранникова, Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления [Текст] / Л. И. Баранникова // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М. : Наука, 1972. – С. 88–98.
14. Баранникова, Л. И. Научно-техническая революция и судьба территориальных диалектов [Текст] / Л. И. Баранникова // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. – М. : Наука, 1977. – С. 84–91.
15. Азарх, Ю. С. Ареальная норма в апеллятивной и топонимической лексике (на материале русских говоров) [Текст] / Ю. С. Азарх // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Изд-во “Наука”, 1977. – С. 168–176.
16. Туманян, Э. Г. Язык как система социолингвистических систем. Синхронно-диахроническое исследование [Текст] / Э. Г. Туманян. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
17. Гаркавец, А. Н. Методологические вопросы теории взаимодействия языков [Текст] / А. Н. Гаркавец // Методологические проблемы языкознания / Отв. ред. А. С. Мельничук. – К. : Наукова думка, 1988. – 216 с. – С. 139–153.
18. Степанов, Ю. С. Изменчивый “образ языка” в науке XX века [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т яз-ния РАН, 1995. – С. 7–34.
19. Солнцева, Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков [Текст] / Н. В. Солнцева. – М. : Наука, 1985. – 253 с.
20. Герценберг, Л. Г. Сопоставительное исследование языков как аспект дифференциальной лингвистики [Текст] / Л. Г. Герценберг, В. Н. Нерознак // Типологические черты языка в контрастивном аспекте. Сб. научн. тр. / Под ред. А. Я. Банкава. – Рига : РГУ им. П. Стучки, 1988. С. 47–52.
21. Конечская, В. П. О сопоставительно-типологических исследованиях профессора В. Д. Аракина и его школы [Текст] / В. П. Конечская, М. Д. Резвцова, В. А. Головин // Сопос-

- тавительно-семантическое исследование германских и славянских языков. Межв. сб. научн. тр. – Куйбышев : КГПИ, 1985. – С. 3–12.
22. Солнцев, В. М. Лингвистическая типология и общая теория типологии (Предисловие) [Текст] / В. М. Солнцев // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1985. – С. 3–5.
 23. Кубарев, Е. М. О методике сопоставительного анализа понятийно-грамматических денотативно-коннотативных категорий (На основе сравнения художественных текстов и их переводов) [Текст] / Е. М. Кубарев // Сопоставительный лингвистический анализ. Межв. сб. научн. тр. – Куйбышев : КГПИ, 1985. – Т. 240. – С. 3–49.
 24. Ярцева, В. Н. К определению понятия “языковой тип” [Текст] / В. Н. Ярцева // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1985. – С. 6–12.
 25. Климов, Г. А. Вопросы контенсивно-типологического описания языков [Текст] / Г. А. Климов // Принципы описания языков мира. – М. : Наука, 1976. – С. 122–146.
 26. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 362–372.

Персько-азербайджанське мовне контактування і структура морфологічного типу сучасної перської мови

У статті досліджується сучасний стан персько-азербайджанських мовних контактів. Наводиться низка різнорівневих лінгвістичних ознак, що виникли в перській мові внаслідок тривалого проксимального контактування носіїв азербайджанської та перської мов.

Ключові слова: білінгвізм, інтерференція, мовні контакти, перська мова.

The Persian – Azerbaijani Language Contacts and the Structure of the Morphological Type of Persian Language

The article dwells upon the present situation with the Persian – Azerbaijani language contacts. The number of language units have been presented which appeared in the Persian as the result of the long-term proximal contacts of the Azerbaijani and Persian language speakers.

Key words: bilingualism, interference, language contacts, Persian language.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.